

Николай Добролюбов

**Всероссийские иллюзии,
разрушаемые розгами**

Николай Александрович Добролюбов

Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120595*

Аннотация

Статья «Всероссийские иллюзии...» – вклад Добролюбова в обсуждение вопроса об отмене телесных наказаний – одного из важнейших в России середины XIX века. Порождение крепостничества, розга имела широчайшее применение в николаевской России: пороли уголовных преступников из «низших» сословий, солдат в армии, крестьян в помещичьих имениях и государственных деревнях, пороли детей в школах. Но и оставаясь в рамках закона, телесное наказание исполняло свою социальную функцию нравственного подчинения личности, поддержания сословной иерархии и «авторитета» власти. Поэтому отмена телесных наказаний воспринималась передовой русской мыслью как важнейшая после уничтожения крепостного права общественная задача.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Комментарии

Николай Александрович Добролюбов Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами

Tu quoque, Brute!..¹

В русской жизни возникают иногда отрадные явления, способные привести в умиление даже человека не совсем простодушного, – являются герои мысли и слова, выступающие прямо и безбоязненно на смертельную борьбу с застарелыми предрассудками и общественной неправдой. Посмотришь на них, оглянешься вокруг себя – и невольно склонишь голову перед их доблестью. Около них со всех сторон теснятся враги, их окружает бесчисленное войско рутинистов, невежд, негодяев, пошляков всякого рода, и несмотря на то – благородные герои смело поднимают новое, враждебное злу знамя и самоотверженно подвергают себя всем опасностям неровного боя. Невольно сами враги изумляются богатырской доблести, и в некоторой части неприятельского лагеря даже проявляется движение в пользу отважных героев и желание стать под их знамя. Еще немного – и вот, кажется, совершится одна из тех чудесных побед, о которых рассказывается нам в богатырских сказках...

Но времена богатырских сказок давно прошли, и мы всегда жестоко ошибаемся, когда вздумаем применять их миро-созерцание к настоящему времени. Воображение наше, еще в раннем детстве расстроенное фантастическими бреднями нянюшек, нередко обливает для нас каким-то волшебным светом простые явления действительной жизни; но зато как приходится нам краснеть и стыдиться, когда эти явления вдруг предстанут нам в своем настоящем свете!!

Нас лично нельзя упрекнуть в особенной наклонности к увлечениям розовыми надеждами. Мы не раз отзывались холодно и даже насмешливо о таких явлениях, от которых другие ожидали чуть не установления всеобщего благоденствия. Но и мы не остались совершенно чистыми от ребяческих увлечений. Со стыдом и прискорбием пришлось нам недавно вспомнить об одном из них, и мы спешим очистить себя публичным покаянием и откровенным изложением дела.

Начнем с нескольких общих объяснений.

Известно, что в последнее время обнаружилось в России много хороших литераторов во всех сферах общественной деятельности – в полицейской, в медицинской, в комиссариатской, в судебной, в откупной, и пр., и пр.^[1]. Современные Фамусовы, полагающие, что

Написано – и с плеч долой, —

возложили на этих литераторов твердые надежды отно-

сительно всех предстоявших усовершенствований русского быта. Мы с самого начала смотрели довольно недоверчиво на эти надежды, и действительно, когда доходило в чем-нибудь до дела, то специальные литераторы оказывались по большей части или совсем неподходящими к своим теоретическим убеждениям, или по крайней мере весьма податливыми на *уступки*. Уступок этих мы могли бы здесь указать много, но не считаем этот предмет таким малоизвестным, чтоб о нем стоило распространяться. Притом же практическая уступчивость рьяных теоретиков не представляет сама по себе ничего необычайного: она, напротив, совершенно в порядке вещей. Человек выступает на битву и вдруг видит, что против него тысяча врагов: естественно, что он должен – или бежать совсем, или сделать несколько таких уступок, после которых хотя часть противников перешла бы на его сторону. Зато у него остается надежда побить самых закоснелых врагов. Начальник, преследующий взятки, но чувствующий себя бессильным для их искоренения, наконец допускает *благодарность* и ограничивается тем, что запрещает лишь *вымогательство*. На такого начальника нельзя очень сильно нападать; можно только спорить, действительно ли применима и практична предположенная им грань между благодарностью *вынужденною* и *невынужденною*. Да можно еще сожалеть о той среде, которая принуждает начальника, желающего добра, к подобным уступкам... А впрочем, и на эту *среду* напускаться особенно – тоже не стоит: ее развитие зависит

от многих внешних условий, которых она не могла до сих пор ни отворотить, ни изменить. Стало быть, с которой стороны ни возьми дело – волноваться не стоит, а следует только, подобно старому подьячему при назначении нового, неумелого начальника, сказать совершенно спокойно: «Приняться-то наш герой хочет как будто и прытко, да концов-то не сведет; упрыгается на первых же порах, уgomонится, и пойдет все опять по-старому...»^[2]

Так большею частию мы и говорили, когда новые Фамусовы показывали нам какую-нибудь статейку и восклицали: «Смотрите, *что написано!* смотрите, *как написано!* Теперь эта часть у нас отлично пойдет: о ней уж так много *написано...*» и т. п. Но раз и мы уподобились Фамусову; это было в начале нынешнего года, когда в литературе нашей уже замирал, сопровождаемый «Свистком», один из горячих вопросов нашей литературы – вопрос *о розгах*, о том, *бить или не бить*.

Вопрос этот, как известно, еще в 1857 году обсуживался в «Земледельческой газете» г. Орловым-Давыдовым и решался положительно: *бить!* «Современник» имел тогда наивность удивиться такому явлению в литературе, ставящей себе в главную заслугу свои гуманные стремления^[3]. Но другим статейка г. Орлова-Давыдова показалась несколько не странною, и вскоре после нее начали появляться другие статьи, трактовавшие о том,

Как человека разложить —
По строгим правилам науки...^[4]

Известно, что в защите розог отличались, между прочим, гг. Петрово-Соловово и Рощаковский, но что вся ответственность пала на князя Черкасского, предложившего восемнадцать ударов...^[5] Против него написаны были весьма красноречивые *заметки* и *письма*^[6], которые до того убедили его, что он печатно отрекся от своих положений^[7]. А г. Аксаков, кроме того, объявил, что требование восемнадцати розог князем Черкасским было не что иное, как *уступка* с его стороны из снисхождения к господствующим понятиям большинства дворян^[8]. Конечно, по ходу дела *уступка* эта оказалась ненужною и слишком уже издалека предусмотренною; но тем не менее после *сказания об уступке* поведение князя Черкасского в этом вопросе оказалось таким же — ни хуже, ни лучше, — как и поведение почти всех наших публицистов и передовых людей нашей словесности — почти во всех других вопросах.

Вскоре после образца такой уступки в деле о телесном наказании крестьян мы увидели подобную же уступчивость одного из передовых людей наших — в вопросе о сечении детей. В феврале прошлого года, разбирая отчет о Московской коммерческой академии г. Киттары, мы заметили, что он, не одобряя собственно розог, сек, однако же, воспитанников академии — «*в минуты сомнения в непогрешимости*

своего взгляда». Нас очень поразило тогда это странное обстоятельство, что некоторые из воспитанников должны были платиться своею кожей за то, что подвергались инспектору с проступками в те минуты, когда он «сомневался в непогрешимости своего взгляда». Нас очень опечалило тогда не только самое открытие, что детей секут еще в заведении, вверенном начальству такого человека, как г. Киттары, но и то, что этот человек так легко и наивно отзывается об этом предмете... Под влиянием этих впечатлений прочитали мы брошюрку г. Пирогова, в которой, между прочим, была статейка: «*Нужно ли сечь детей?*» – и прониклись восторженным удивлением к твердости и ясности воззрений знаменитого хирурга и педагога. Мы поспешили выразить свой восторг, сопоставивши сомнения г. Киттары с твердою и простою речью г. Пирогова, убежденного и убеждавшего тогда, что розга всегда и для всякого – вредна, позорна и безнравственна^[9]. Указывая на г. Пирогова как на образец непреклонной последовательности своим убеждениям, как на одну из личностей, на которых действительно могут покоиться надежды общества, – мы говорили:

Мы, конечно, не ставим г. Пирогова на пьедестал непогрешимости, мы не с тем указываем на него, чтобы его авторитетом унизить кого-нибудь. Вовсе нет; у г. Пирогова могут быть, конечно, и увлечения и погрешности, как у всякого другого... Но мы видим в нем *ту смелость и беспристрастие взгляда,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Добролюбов имеет в виду, в частности, либерального публициста, бывшего жандармского офицера С. С. Громеку (наибольшую известность получил цикл его статей о полиции – см. примеч. 6 к стихотворению «Наш демон», наст. т., с. 779); Н. И. Пирогова, опубликовавшего ряд статей по вопросам образования и воспитания; откупщика В. А. Кокорева, выступавшего в печати по разным социально-экономическим проблемам (см. примеч. 22 к статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» – наст. изд., т. 1, с. 841, а также примеч. 31 к статье «Благонамеренность и деятельность» – наст. т., с. 712).

2.

Слова в кавычках – не цитата, а, как это часто бывает у Добролюбова, близкий по смыслу пересказ слов старого чиновника в очерке «Неумелые» из «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

3.

В полемике о телесном наказании крестьян на страницах «Земледельческой газеты» принял участие не граф В. П. Орлов-Давыдов, а некий П. Давыдов из Астрахани. В заметке «Еще ответ на вопрос о замене телесного наказания в помещичьих имениях» (1857, № 86)

он писал, что «нет необходимости изобретать новые наказания, а лучше заботиться, чтобы не впасть в крайности, употребляя старые наказания», то есть розги. Необходимость сохранения телесных наказаний для крестьян П. Давыдов обосновывал тем, что у них, как и у детей, «физическая натура» якобы преобладает над духовной, поэтому и следует «противудействовать этой натуре физически». «Современник» отозвался на это выступление в «Современном обозрении» (1857, № 11), которое было написано Н. Г. Чернышевским (см.: Чернышевский, IV, 858–859). Ошибочное упоминание Добролюбовым В. П. Орлова-Давыдова объясняется тем, что он был одним из лидеров дворянской оппозиции правительственному проекту освобождения крестьян с наделом. В частности, получило широкую известность его письмо Я. И. Ростовцеву, в котором он обвинял членов Редакционных комиссий в пренебрежении к интересам помещиков и требовал передать дело освобождения крестьян целиком в руки дворянства (см.: Материалы для истории упразднения крепостного состояния крестьян в царствование имп. Александра II, т. 2. Берлин, 1861, с. 110–117).

4.

Вероятно, Добролюбов перефразирует строки из «Евгения Онегина» (гл. 6, строфа XXVI):

5.

В статьях Г. Ф. Петрово-Соловово («Об отношениях между помещиками и крестьянами на время переходного состояния» – Одесский вестник, 1858, № 47, 48, перепечатана в журнале «Сельское благоустройство», 1858, № 7) и К. А. Рощаковского («Мысли о применении основных начал к действительному улучшению быта помещичьих крестьян» – Журнал землевладельцев, 1858, № 6) предусматривалось сохранение (после реформы) телесного наказания крестьян как по приговору мирского суда, так и по приказу помещика. Выступление славянофила В. А. Черкасского, который в своем проекте пореформенного сельского управления также оставил за помещиками право телесного наказания своих бывших крепостных и вольнонаемных работников, ограничив его 18 ударами (см.: Сельское благоустройство, 1858, № 9), вызвало наибольшее возмущение – особенно на фоне заявлений славянофилов о любви к народу.

6.

Замечание Добролюбова относится прежде всего к выступлениям редактора «Русского вестника» М. Н. Каткова (редакционная «Заметка» – 1858, октябрь, кн. 1, «Изобличительные письма» – 1858, ноябрь, кн. 2; декабрь, кн. 2; подпись «Байборода»), который организовал на

страницах этого журнала целую кампанию против В. А. Черкасского. Однако позиция самого Каткова не была достаточно четкой. Указывая на связь телесных наказаний с крепостным правом, он вместе с тем считал их отмену делом отдаленного будущего, так как «в настоящее время», во его мнению, розги являются «самым удобным способом наказания» как для наказывающих, так и для наказуемых. Кроме того в «Русском вестнике» была опубликована заметка С. С. Громом («Несколько слов о статье кн. В. А. Черкасского...» – 1858, ноябрь, кн. 1) и несколько писем в редакцию с возмущенными откликами на статью Черкасского (1858, ноябрь, кн. 1–2). Критические отзывы на эту статью появились и в других изданиях: «Заметка» П. Ч. в «Московских ведомостях» (1858, № 128, 25 октября) и статья «О новом устройстве сельского управления» в «Отечественных записках» (1859, № 1; подпись: «Ф. С.»).

7.

В своем «Объяснении» (Сельское благоустройство, 1858, № 11) В. А. Черкасский лишь частично отрекся от своих положений: он признал ошибочным только предложение сохранить после реформы право помещиков наказывать своих крестьян, но оставил это право за сельской администрацией, утверждая, что полная отмена телесных наказаний будет возможна только тогда, когда крестьянские общества смогут содержать на свои средства сельские

тюрьмы.

8.

Имеется в виду «Заметка» И. С. Аксакова в «Московских ведомостях» (1858, № 130, 30 октября).

9.

Противопоставление Н. И. Пирогова и М. Я. Киттары содержится в рецензии Добролюбова «Собрание литературных статей Н. И. Пирогова. Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Московской практической академии» (IV, 201–212), которую он прямо цитирует.

17.

Слова Юлия Цезаря из III акта трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (1599).